

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-30-46

Наука и государственная научная политика в дискурсе «научной честности»

Судас Лариса Григорьевна

Доктор философских наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [2494-4811](https://orcid.org/2494-4811), ORCID: [0000-0003-0498-5145](https://orcid.org/0000-0003-0498-5145), sudas@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Обсуждение нарастающих проблем в сфере науки активно ведется в дискурсе scientific integrity — «научной честности» / «научной добросовестности». Это термин политического, публичного дискурса, не имеющий четкого научного определения и содержания. В статье показан «зонтичный» характер термина scientific integrity, позволивший в условиях резкого роста политизации, коммерциализации и идеологизации науки объединить научную дискуссию и направить научную политику на продвижение «ответственных» исследований, «надлежащих» научных практик. В связи с этим наряду с понятием «научная честность» (scientific integrity, SI) начинает активно использоваться понятие «исследовательская добросовестность» (research integrity, RI). В ходе анализа проводится разграничение этих понятий. В статье анализируется формирование и развитие дискурса и политики «научной честности» преимущественно в США — «атаки» на науку, появление политики «научной честности» и ее имплементация в деятельности федеральных научных агентств, другие усилия по преодолению кризиса «научной честности»; срыв политики «научной честности» при президенте Трампе и усилия администрации Байдена по ее возвращению и укреплению. Показано быстрое развитие и институционализация дискурса и политики «научной честности»: создание достаточно мощной инфраструктуры «исследовательской добросовестности» как на национальном, так и на международном уровне, национальные и международные организации и конференции по «исследовательской добросовестности», руководящие документы, кодексы и научные публикации. Кризис «научной честности» в статье рассматривается не просто как внутренняя проблема науки, но как более фундаментальная проблема — как проявление нарушенного институционального баланса во взаимоотношениях науки и власти, рынка и общества, появившегося на этой основе острого конфликта лояльностей ученого, проявлением которого и является проблема «научной честности» и ее острота. Дискурс научной (тем более исследовательской) честности оказывается слишком узким для анализа существующей здесь проблематики и возникающих в связи с этим проблем. С опорой на опросы экспертов показано расхождение между официальным дискурсом и политикой «научной честности» (включая RI) и озабоченностями ученых, особенно в академических исследовательских структурах, с их видением более глубоких, системных оснований кризиса «научной честности» и несправедливости и неоправданности «распределения» ответственности за этот кризис с непропорциональным сдвигом в сторону науки и ученых. Такие расхождения вместе с ограниченными возможностями институционализации политики «научной честности» в исследовательских сообществах университетов, обладающих классическими академическими нормами ответственности и своими «эпистемическими практиками», которые не нуждаются во внешнем контроле, постепенно размывают убедительность дискурса и легитимность политики «научной честности» и обнаруживают ее «условность» и историческую ограниченность.

Ключевые слова

«Научная честность», научная целостность, «научная добросовестность», государственная политика «научной честности», «исследовательская добросовестность», ненадлежащее исследовательское поведение, фабрикация, фальсификация, плагиат, «небрежная наука».

Для цитирования

Судас Л.Г. Наука и государственная научная политика в дискурсе «научной честности» // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 30–46. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-30-46

Science and State Scientific Policy in the Discourse of Scientific Integrity

Larisa G. Sudas

Doctor of Philosophy, Professor, ORCID: [0000-0003-0498-5145](https://orcid.org/0000-0003-0498-5145), sudas@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The discussion of the growing problems in the field of science is actively conducted in the discourse of scientific integrity — scientific honesty / scientific fairness. This is a term of political, public discourse that does not have a clear scientific definition and content. The article shows the “umbrella” nature of the term “scientific integrity”, which made it possible, in the conditions of a sharp increase in politicization, commercialization and ideologization of science, to unite scientific discussion and direct scientific policy to promote “responsible” research, “appropriate” scientific practices. In this regard, along with the concept of scientific integrity (SI), the concept of research integrity (RI) is beginning to be actively used. A distinction is made between these concepts. The article analyzes the formation and development of the discourse and policy of scientific honesty, mainly in the USA — “attacks” on science, the emergence of a policy of scientific honesty and its implementation in the activities of federal scientific agencies, other efforts to overcome the “crisis of scientific honesty”; the breakdown of the scientific integrity policy under President Trump and the Biden administration's efforts to bring it back and strengthen it. The rapid development and institutionalization of the discourse and policy of scientific integrity is shown: the creation of a sufficiently powerful infrastructure of research integrity both at the national and international levels, national and international organizations and conferences on research integrity, guiding documents, codes and

scientific publications. The crisis of scientific honesty in the article is considered not just as an internal problem of science, but as a more fundamental problem — as a manifestation of the disturbed institutional balance in the relationship between science and government, the market and society, the acute conflict of loyalties of a scientist that has emerged on this basis, the manifestation of which is the problem of scientific honesty and its severity. The discourse of scientific (especially research) honesty turns out to be too narrow for the analysis of the existing problems here and the problems arising in this regard. Based on expert surveys, the discrepancy between the official discourse and the policy of scientific honesty (including RI) and the concerns of scientists, especially in academic research structures, with their vision of deeper systemic reasons for the crisis of scientific honesty and injustice and the unjustifiability of the “distribution” of responsibility for this crisis with a disproportionate shift towards science and scientists is shown. Such discrepancies, together with limited opportunities for institutionalizing the policy of scientific honesty in university research communities with classical academic standards of responsibility and their “epistemic practices” that do not need external control, gradually blur the credibility of the discourse and the legitimacy of the policy of scientific honesty and reveal its “conventionality” and historical limitations.

Keywords

Scientific integrity, state scientific integrity policy, research integrity, research misconduct, fabrication, falsification and plagiarism (FFP), sloppy science.

For citation

Sudas L.G. (2023) Science and State Scientific Policy in the Discourse of Scientific Integrity. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 100. P. 30–46. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-30-46

Введение

Одним из основных уроков пандемии COVID-19 стало осознание необходимости возвращения науки, прежде всего фундаментальной, в публичное пространство и в контур управления [Sachs et al. 2022]. Произошедшее разрушение доверия общества к науке и научной экспертизе кажется невероятным парадоксом на фоне достигнутых наукой потрясающих результатов в разработке вакцин, терапии и диагностики COVID-19. Последовательность вирусного генома была опубликована в Интернете 10 января 2020 года. Уже 65 дней спустя начались первые испытания вакцин Moderna и Pfizer. Всего через 11 месяцев (вместо 10 лет) после идентификации возбудителя первые (две) вакцины получили разрешение на экстренное использование [Collins et al. 2023]. Месяцы и годы были сэкономлены потому, что лекарства и вакцины были изобретены не на пустом месте, им предшествовали 10-летия фундаментальных исследований в вирусологии, молекулярной биологии, геномике, иммунологии и других областях науки. Беспрецедентная скорость разработки вакцин, вызывавшая у населения сомнение в ее качестве, стала возможной благодаря успеху секвенирования генома вируса, связанному в том числе с проектом «Геном человека», завершённым к 2003 году: COVID-19 стал первой «постгеномной» пандемией, в борьбе с которой использовались принципиально новые ресурсы. Однако политизация борьбы с пандемией, встраивание экспертов в политический процесс, их использование для оправдания уже принятых решений, а не для принятия решений на базе научной экспертизы или/даже сокрытие информации от общественности, прямое игнорирование экспертного мнения подорвали доверие общества как к государству и его стратегии борьбы с пандемией, так и к науке. Пресловутую глобальную инфодемию — фактически поиск населением не ангажированных властями экспертов — можно рассматривать как симптом обрушения фундаментального основания доверия противозидемической стратегии государства и самому государству — доверия науке, научной экспертизе.

Президент США Д. Байден через неделю после своей инаугурации, 27 января 2021 года, выступил с «Меморандумом о восстановлении доверия правительству посредством «научной честности» и разработки политики, основанной на фактических данных»¹. Новая администрация увидела основной ресурс восстановления общественного доверия правительству в восстановлении «научной честности» — scientific integrity.

¹ Memorandum on Restoring Trust in Government Through Scientific Integrity and Evidence-Based Policymaking // The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/memorandum-on-restoring-trust-in-government-through-scientific-integrity-and-evidence-based-policymaking/> (дата обращения: 14.08.2023).

Scientific integrity, scientific integrity policy (научная честность/ добросовестность/ целостность, политика «научной честности») — фактически именно в этих терминах в последние годы активно ведется обсуждение назревших проблем науки.

Цель статьи — прояснить, что понимается под научной честностью, в чем особенности дискурса «научной честности» и политики «научной честности», основная проблематика дискуссий.

Статья основана главным образом на материалах национальных и международных структур, международных сетях, вовлеченных в дискурс и политику «научной честности»: [UCS](#) (Союз неравнодушных ученых (США)); [WCRI](#) (Всемирная конференция по добросовестности исследований); [ENRIO](#) (Европейская сеть офисов честности исследований); [ALLEA](#) (ALL European Academies, Европейская федерация естественных и гуманитарных наук); [League of European Research Universities](#) (Лига европейских исследовательских университетов (LERU)) и др. Используются также актуальные научные публикации по проблеме исследования, прежде всего в международных рецензируемых журналах открытого доступа (Research Integrity and Peer Review, PLoS ONE, PLoS Medicine, Science and Engineering Ethics), в журналах Nature и Science и ряде других), а также отечественные источники по этой проблеме.

Постановка проблемы

Проблема «научной честности» остро встала задолго до COVID-19, пандемия ее лишь предельно обострила, как и многие другие проблемы. В США еще в феврале 2004 года Союз неравнодушных ученых² направил тогдашнему президенту Джорджу Бушу-младшему привлекшее общественное внимание заявление, подписанное сотнями ведущих ученых страны, в том числе 52 нобелевскими лауреатами (в течение последующих четырех лет его подписали 15 тысяч американских ученых), в котором призвал его администрацию восстановить научную честность в федеральной политике³. Сам термин «scientific integrity» был новым в публичном дискурсе, да и проблема была достаточно новой. В документе отмечалось, что в стране произошел «радикальный переход от регулирования, основанного на независимых выводах и профессиональном анализе научных, медицинских и экономических данных ответственным агентством, к регулированию, контролирующему Белым домом и движимому в первую очередь политическими соображениями». Ученые отмечали, что, когда выяснялось, что научное знание вступает в противоречие с ее политическими целями, администрация Джорджа Буша-младшего часто манипулировала процессом принятия решения и участием науки в этом процессе. Это делалось путем назначения на официальные должности и в научно-консультативные комитеты людей, которые не обладают профессиональной квалификацией или имеют явный конфликт интересов; путем роспуска существующих консультативных комитетов или формирования научно-консультативных комитетов исходя из политических соображений; путем цензуры и сокрытия докладов собственных ученых правительства и просто путем отказа от независимой научной консультации. В документе отмечалось, что в широком спектре областей политики администрация «подорвала качество и независимость научно-консультативной системы и моральный дух выдающихся научных кадров правительства».

² Союз неравнодушных ученых был основан в 1969 году преподавателями и студентами Массачусетского технологического института. Как говорится на официальном сайте, он был создан для того, чтобы «инициировать критический и постоянный анализ государственной политики в областях, где наука и технологии имеют актуальное или потенциальное значение», и «разработать средства для того, чтобы развернуть исследования от нынешнего акцента на военных технологиях к решению актуальных экологических и социальных проблем». Это некоммерческая организация, защищающая научные интересы, базирующаяся в США. В состав UCS входят не только профессиональные ученые, но и многие частные лица — всего более 200 000 членов.

³ 2004 Scientist Statement on Restoring Scientific Integrity to Federal Policy Making // UCS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucsusa.org/resources/2004-scientist-statement-scientific-integrity> (дата обращения: 18.08.2023).

Учеными были сформулированы требования, направленные на поддержание доверия общества к авторитету научных профессий и восстановление «научной честности» при формировании и реализации государственной политики. Фактически сразу же была определена повестка дня на годы вперед — об изменении регулирования отношений между наукой и правительством, о включении общественности в эти отношения, а также о необходимости принятия Конгрессом соответствующего законодательства и нормативных актов.

Начиная с Заявления американских ученых 2004 года в проблеме, получившей название *scientific integrity*, сфокусировался кризис взаимоотношений науки и власти, не просто внутренние проблемы науки, но более фундаментальные проблемы: нарушившегося институционального баланса во взаимоотношениях науки и власти, рынка и общества, трагически (особенно в США) проявившегося в эпоху пандемии COVID-19.

Актуализация проблемы и политики *scientific integrity* свидетельствует о нарастании противостояния науки и государства и возникшей в связи с этим острой необходимости согласования разных институционализированных норм и ценностей и разных лояльностей ученого: профессиональной и гражданской, политической, может быть, иной, которые вступили в противоречие. В современном обществе неполитические институты, в том числе наука, обладают значительной и достаточно подвижной автономией. Конфликт возникает тогда, когда происходит экспансия политического и сфера автономии науки сужается, а этос науки⁴ становится несовместимым с этосом политическим (с действующим политическим кодом) и потому все менее функциональным. В пределе возможны два варианта дальнейшего развития этого конфликта: или научный этос модифицируется за счет нормализации (то есть превращения в новую норму) девиантных форм поведения ученого и в результате трансформируется, утрачивает свою специфику и разрушается (в перспективе вместе с институтом науки), или ученые оказывают сопротивление происходящим заметным модификациям в содержании своего этоса вплоть до требования криминализации девиантных форм поведения ученого. Однако и в этом случае сохранение автономии науки с предполагаемыми мощными механизмами саморегуляции также оказывается под вопросом. Р. Мертон писал: «...в случае принятия таких вненаучных критериев ценности науки, как предполагаемое согласие с религиозными доктринами, экономическая полезность или политическая благонадежность, наука начинает допускаться лишь в той мере, в какой она отвечает этим критериям. Иначе говоря, как только устраняется чувство чистоты науки, наука оказывается подчинена прямому контролю со стороны других институтов, и ее место в обществе становится все более и более неопределенным» [Мертон 2006, 758].

«Атаки» на науку

С 2004 года — момента заявления ученых о необходимости восстановления «научной честности» — UCS скрупулезно документирует случаи политического вмешательства в науку («атаки» на науку) в федеральном правительстве США⁵. Политическое вмешательство в государственную науку не является чем-то новым. Однако впервые широкое признание

⁴ Напомним определение научного этоса, данное Р. Мертоном. «Под этосом науки подразумевается эмоционально окрашенный комплекс правил, которые считаются обязательными для ученого. Некоторые аспекты этого комплекса могут быть методологически желательными, однако соблюдение этих правил диктуется не только методологическими соображениями. Этот этос, как и вообще все социальные коды, поддерживается чувствами тех, к кому он имеет отношение. Нарушение его сдерживается интернализированными запретами и неодобрительными эмоциональными реакциями, приводимыми в движение сторонниками данного этоса. Как только складывается эффективный этос такого типа, почти автоматически включаются возмущение, презрение и иные установки антипатии, которые стабилизируют существующую структуру» [Мертон 2006, 755].

⁵ Attacks on Science // UCS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucsus.org/resources/attacks-on-science> (дата обращения: 18.08.2023). Темы последних атак : [EPA Officials Sideline Scientists When Establishing Particulate Matter Air Pollution Standard; Political Officials Interfered with Scientific Processes in 2020 Census.](#)

политическое вмешательство в процессы научной политики получило при администрации Джорджа Буша-младшего [Mooney 2005] и служит некой точкой отсчета.

На данный момент задокументированы 324 примера нападок на науку при администрациях Буша, Обамы, Трампа и Байдена, 206 атак на науку, задокументированные в этот период, намного превышает атаки на науку, задокументированные в периоды президентства Дж. Буша-младшего (98) и Б. Обамы (19).

Со времени вступления президента Трампа в должность в январе 2017 года его администрация (при поддержке Конгресса) вела войну с наукой [Goldman et al. 2017], подрывая роль науки в государственной политике, предоставляя промышленности чрезмерное влияние на процессы принятия решений, создавая враждебную среду для федеральных ученых, сокращая доступ общественности к научной информации⁶. Администрация президента Трампа использовала в принципе достаточно традиционные тактики для уменьшения роли науки: оттеснение независимых научных советов, назначение на научные руководящие должности конфликтных лиц с недостаточным уровнем научной квалификации и тесными связями с отраслями, которые им поручено регулировать, длительный отказ от заполнения важнейших научных вакансий, отмена научно обоснованных гарантий (президент Трамп подписал беспрецедентные 13 резолюций Конгресса, отменяющих научно обоснованные меры защиты населения, включая стандарты безопасной питьевой воды, гарантии предотвращения воздействия вредных химических веществ на рабочих и т.д.)⁷.

Помимо отслеживания сотен «атак» на науку, UCS регулярно опрашивает ученых в федеральных агентствах и таким образом получает оценку состояния науки из первых рук а также выявляет оценку учеными влияния политики «научной честности» на их исследовательскую деятельность⁸. Опросы проводились в федеральных агентствах, миссия которых самым непосредственным образом зависит от работы ученых, находящихся на стыке науки и политики, таких как Агентство по охране окружающей среды (EPA), Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA), Министерство сельского хозяйства США (USDA) и др.⁹

Политика «научной честности»

Президент Обама в своей первой инаугурационной речи пообещал «вернуть науку на ее законное место». В течение последующих восьми лет были предприняты некоторые серьезные шаги в направлении выработки и имплементации в деятельности федеральных агентств политики «научной честности» и достигнут определенный успех в ее реализации. В марте 2009 года президент Обама издал меморандум, предписывающий федеральным агентствам разработать политику «научной честности» под руководством Управления научно-технической политики Белого дома (OSTP). В течение последующих шести лет 24 агентства, опираясь на общие принципы, разработали

⁶ Существует огромный объем источников разного рода о «войне» президента Трампа с наукой. UCS регулярно размещал исчерпывающий материал по этой проблеме: [Sideline Science Since Day One](#); [Preserving Scientific Integrity in Federal Policymaking](#) и др.

⁷ О научной политике президента Трампа и его администрации существует много научных публикаций и материалов в СМИ, в том числе американских. Мы ограничимся ее самой общей оценкой.

⁸ Surveys of Scientists at Federal Agencies // UCS [Электронный ресурс]. URL: https://www.ucsusa.org/surveys-scientists-federal-agencies?_gl=1%2Ahu68k3%2A_ga%2AMTA4NDk3OTE4OC4xNjg2NjAzNTQ3%2A_ga_VB9DKE4V36%2AMTY5NTMyNjk0Mi41LjEuMTY5NTMyNzI0NC42MC4wLjA (дата обращения: 10.08.2023).

⁹ Эти опросы продолжаются и сейчас. Опрос ученых шести федеральных агентств, проведенный Союзом обеспокоенных ученых и Университетом Нью-Гэмпшира осенью 2022 года (десятый с 2004 года опрос), показал мощный положительный эффект от усиления политики «научной честности» в администрации Байдена.

свою политику «научной честности», а также инфраструктуру «научной честности», включая сотрудников по «научной честности», тренинги и комитеты в агентствах и т.д.¹⁰

Оценка учеными федеральных агентств «научной честности» в их структуре и факторов, способствующих/ препятствующих поддержке «научной честности», становилась объектом опросов. Наиболее массовый опрос федеральных ученых с целью оценить их восприятие «научной честности» (фактически по итогам реформы президента Обамы) был проведен в 2018 году. Было опрошено более 63 000 федеральных ученых из 16 федеральных агентств. В статье, к которой мы обращаемся [Goldman et al. 2020], обсуждаются результаты этого опроса для подмножества 6 агентств, для которых эта проблема была наиболее актуальной¹¹.

Исследование позволило выявить, какие барьеры видят ученые для принятия научно обоснованных решений в агентствах и какие факторы являются наиболее важными для поддержания «научной честности». Приведем полностью общий список барьеров, включающий 14 вариантов ответа, из которых респондентам было предложено выбрать до трех барьеров. Этот список сам по себе, без ранжирования, очень показателен и позволяет формировать эмпирическую и теоретическую модель слабо уловимого объекта (исследования и управления) — «научной честности». К барьерам отнесены: задержка с принятием решения руководством; отсутствие руководства, обладающего необходимыми научными знаниями; неопределенность или несогласие с наукой; влияние политических назначенцев в конкретном агентстве или департаменте; влияние Белого дома; влияние Конгресса; влияние других ведомств; влияние заинтересованных сторон отрасли; влияние неправительственных интересов (например, правозащитных групп); неэффективный процесс принятия решений внутри агентства; потенциальное несоответствие существующим правилам и положениям; неопределенность ведомственной юрисдикции; сложность вопроса; ограниченный кадровый потенциал.

По итогам опроса в первую пятерку барьеров вошли: отсутствие руководства, обладающего необходимыми научными знаниями, влияние политических назначенцев в агентстве или департаменте, влияние Белого дома, ограниченный кадровый потенциал и задержка в принятии решения руководством. Подобные приоритеты выявили ответы на вопрос о том, какие факторы являются наиболее важными для поддержания «научной честности». Такими факторами, по оценке федеральных ученых, являются лидерство, позитивная рабочая среда, а также четкая и всеобъемлющая политика и инфраструктура «научной честности» в агентствах. На вопрос о соблюдении их агентством политики «научной честности» (уже при администрации Трампа, но после реформ президента Обамы) респонденты ответили в целом положительно. Большинство ученых из DOI, CDC, FDA и NOAA согласились (полностью или в основном) с тем, что их агентство придерживается своей политики «научной честности» (76%, 87%, 80% и 79% соответственно). Ответ ученых EPA значительно отличался от других агентств: там лишь 46% респондентов согласились полностью или в основном с тем, что агентство придерживается своей политики «научной честности»,

¹⁰ Интересно ознакомиться с сайтами, сегодня обновленными, федеральных агентств, разработавших и проводивших активную политику «научной честности» еще при Обаме. На [сайте](#) Агентства по охране окружающей среды США в разделе scientific integrity размещено согласованное определение «научной добросовестности» для всех федеральных агентств, типовая политика «научной добросовестности», которой агентства должны руководствоваться при разработке и обновлении своей политики, набор инструментов, помогающих агентствам регулярно оценивать и совершенствовать свою политику и практику. Представлены ежегодные отчеты о «научной честности» начиная с 2013 года, материалы опросов сотрудников агентства за 2016, 2018 и 2021 годы и другие материалы и информация. На странице [Scientific Integrity Milestones](#) демонстрируется история «научной добросовестности» в EPA и освещаются важные моменты в этой истории: до реформы Обамы только 8,7% респондентов были удовлетворены культурой «научной честности» в EPA, а политическое вмешательство было оценено как самое высокое препятствие для достижения «научной честности» в EPA.

¹¹ Агентства Министерства внутренних дел (DOI), Служба охраны рыбных ресурсов и дикой природы США (FWS), Геологическая служба США и Служба национальных парков; Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC); Агентство по охране окружающей среды США (EPA); Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) и Национальное управление океанических и атмосферных исследований (NOAA).

а 31% не согласились с этим¹². Опрос позволил выявить также воспринимаемую потерю «научной честности» с приходом в Белый дом администрации Трампа. Она была больше в тех агентствах (DOI и EPA), где федеральные ученые оценили некомпетентное и ненадежное руководство как главные препятствия для принятия научно обоснованных решений, чем в тех (CDC, FDA и NOAA), где ученые положительно связывают лидерство с научной честностью.

Подобные исследования, и сейчас регулярно (обычно раз в два года) проводимые в агентствах, позволяют лучше понимать, какие средства политического вмешательства используются в том или ином агентстве, какие факторы оцениваются самими учеными как наиболее важные для поддержания в нем «научной честности» и какие меры могут потребоваться для ее повышения, то есть помогут выстроить обоснованную всеобъемлющую политику и эффективную инфраструктуру «научной честности» в конкретном агентстве.

Таким образом, при реализации политики «научной честности» президента Обамы были достигнуты заметные успехи [Verma, Carter 2018]. Была создана инфраструктура для ее осуществления, а также система ее поддержки и обновления: Меморандум Президента определяет стратегические задачи в этой сфере, Управление научно-технической политики Белого дома (OSTP) вырабатывает типовые модели решения этих задач, а федеральные агентства на этой основе разрабатывают собственную «всеобъемлющую» политику «научной честности».

Однако успехи, достигнутые при реализации в агентствах политики «научной честности» президента Обамы, носили ограниченный характер. После испытания этой политики пандемией COVID-19 Администрация президента Байдена взяла на себя еще более активную роль в укреплении политики и продвижении общегосударственных стандартов «научной честности».

Scientific integrity — «научная честность»

Обозначив проблемное поле политики «научной честности», пока частично, мы можем обратиться к основным терминам.

Термин *scientific integrity* достаточно условный и многозначный, особенно в нюансированных вариантах его русского перевода. Это зонтичное понятие, в особом измерении объединившее множество достаточно разнородных проблем в сфере науки и отражающее современные взаимоотношения науки, общества и государства, сложившийся баланс сил. Этическая смысловая составляющая (нагрузка) этого термина (в русскоязычном варианте — научная целостность, честность, добросовестность) акцентирует проблему совместной ответственности всех участников этого взаимодействия. Самая очевидная и общая интенция в обращении к этому термину — стремление осмыслить прежде всего изменившееся положение и ответственность ученого и науки в современном мире, в странах, являющихся научными лидерами. Но в центре внимания (рассуждений и действий) могут оказаться — и оказываются — разные аспекты этой общей проблемы, разные стороны этого «ответственного» взаимодействия. Так, в США, как мы показали, самым значимым аспектом проблемы «научной честности» оказалась политизация науки — политическое вмешательство в науку и его влияние на деятельность ученых, на роль науки в принятии политических решений, и политическая борьба вокруг науки концентрируется именно здесь¹³. А в Великобритании проблему определяют как «кризис воспроизводимости», то есть в центре внимания оказываются организация научных исследований и ответственность ученых. У нас в стране главным проявлением кризиса «научной честности» считается продолжающаяся

¹² Такая политика агентства была связана с официальной позицией АП по вопросам изменения климата.

¹³ Широко известен знаковый «случай с профессором Дж. Саксом», которому пришлось распустить первый состав комиссии журнала *Lancet*, созданный для изучения происхождения вируса COVID-19, из-за выявленного конфликта интересов. При сохранении сложившегося институционального баланса сил проблема происхождения COVID-19 окажется неразрешимой «научной» проблемой.

15 лет «публикационная гонка», или «пандемия публикаций» [Введенская 2022; Дежина 2023], которая привела (уже успела привести) к формированию культуры «опубликуй или погибни!» и принесла огромный вред отечественной науке, подорвав имевшиеся и долго сохранявшиеся в ней профессиональные этические устои как основу самоидентификации ученого [Судас 2002]. И неправильно было бы обвинять в этом только ученых, не выдержавших «искушения». Это плоды той научной политики, которая мотивирует ученого на пресловутую «научную продуктивность», измеряемую с помощью библиометрических показателей, подрывая этические нормы науки [Дежина 2023; Юревич, Юревич 2021].

Таким образом, в совокупности в сфере внимания оказывается вся экосистема современной науки, рассматриваемая в аспекте желаемого общего качества, определяемого как научная честность. Сама научная честность формируется, выстраивается как объект управления, объект исследования в процессе управления, в процессе исследования — «сборки» — через деятельность различных субъектов, через его эмпирические исследования, позволяющие связать его с определенными благоприятствующими или препятствующими ему факторами, и т.д. Эту сложность в выявлении (скорее — конструировании) «научной честности» в разных измерениях отметили исследователи из Австрии, анализируя процесс «сборки» этого объекта в контексте Дании [Davies, Lindvig 2021].

В США проблематика «научной честности» выстраивается главным образом вокруг участия науки в выработке политических решений. В документах UCS научную честность определяют (с незначительными нюансами в разных документах) следующим образом: «Научная честность относится к процессам, в которых независимая наука полностью и прозрачно информирует о политических решениях, свободных от неуместного политического, идеологического, финансового или другого неправомерного влияния»¹⁴. «Принципы «научной честности» в разработке федеральной политики включают в себя:

- независимую науку, которая включает в себя такие элементы, как экспертная оценка, раскрытие информации о конфликте интересов, публичная доступность результатов исследований и методологии;
- прозрачный процесс принятия решений: доступ общественности к самой науке (с учетом ограничений на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность), к ученым, ответственным за нее, и к информации о том, как она используется для разработки политики;
- научная свобода слова: свобода правительственных ученых делиться своими исследованиями, выражать личные взгляды на науку и политику с соответствующими заявлениями об отказе от ответственности, а также сообщать о злоупотреблениях, не опасаясь возмездия;
- соблюдение законодательных требований: использование наилучших имеющихся научных данных для принятия политических решений там, где этого требует закон»¹⁵.

В 2023 году в США было принято официальное общегосударственное определение «научной честности» — the federal definition of scientific integrity¹⁶, которое федеральные агентства должны принять, довести до сведения своих сотрудников и включить в свою политику «научной честности». Согласно этому определению, scientific integrity (научная честность (добросовестность)) — это «следование профессиональным практикам, этическому поведению и принципам честности

¹⁴ Preserving Scientific Integrity in Federal Policymaking // UCS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucsusa.org/resources/preserving-scientific-integrity-federal-policymaking> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Определение было разработано и согласовано Межведомственной рабочей группой по рамочной программе «научной добросовестности» Национального совета по науке и технологиям на 2022 год и Комитетом ускоренных действий по обеспечению «научной добросовестности» на 2021 год.

и объективности при проведении научной деятельности, управлении ею, использовании результатов науки и распространении информации о них. Инклюзивность, прозрачность и защита от ненадлежащего влияния являются отличительными чертами «научной честности»¹⁷. В этом определении понятие *scientific integrity* позволяет объединить желаемые общие качественные характеристики не только научной, научно-исследовательской деятельности, но всей экосистемы науки, действующих в ней субъектов: исследовательских организаций (RPO), организаций, финансирующих исследования (RFO), всех тех, кто задействован при осуществлении научной деятельности, управлении ею, использовании результатов науки и распространении информации о них. Научная честность обсуждается прежде всего как возможность и степень участия науки в принятии политических решений, в формировании и реализации государственной политики. Научная честность в этом случае означает 1) надежность (в том числе воспроизводимость) результатов, 2) использование «наилучших имеющихся научных данных» при принятии управленческих решений. Политика «научной честности» должна помочь защитить федеральных ученых от неправомерного политического вмешательства¹⁸.

Научная честность не означает, что наука должна быть единственным фактором, учитываемым при принятии политических решений. Процесс принятия политических решений — это сложный «ценностный социальный процесс». На него влияют как научные, так и ненаучные субъекты, их интересы, в целом общественная среда, в которой они принимаются [Turnhout et al. 2013]. Поэтому крайне важно, чтобы позиции всех субъектов, участвующих в этом процессе, их вклад в политические решения учитывались и были прозрачны, что позволит общественности и другим должностным лицам наблюдать и реагировать на действия лиц, принимающих решения [McGarity, Wagner 2008]. Такие системы принятия решений трудно реализуемы в системах государственного управления с высокой концентрацией власти во власти исполнительной. В таких системах бюрократия может ненадлежащим образом вмешиваться в процесс принятия политических решений и в сам научно-исследовательский процесс, исходя из политических, финансовых интересов или идеологических и иных соображений.

Research Integrity — «исследовательская добросовестность»

Теперь мы можем перейти к анализу другого аспекта проблемы «научной честности», который акцентируется в документах и определениях, сфокусированных на исследователях и исследовательском поведении. В этом случае чаще употребляется термин *research integrity*, который переводится как «исследовательская добросовестность» и определяется как «отношение и привычка исследователей проводить свои исследования согласно соответствующим этическим, правовым и профессиональным рамкам, обязательствам и стандартам»¹⁹. Одним из наиболее влиятельных документов в области добросовестности научных исследований является Европейский кодекс²⁰ поведения для научно-исследовательских организаций (ЕсоС). В этом кодексе названы четыре фундаментальных принципа целостности исследований: надежность в обеспечении качества исследований, отраженная в дизайне, методологии, анализе и использовании ресурсов; честность в разработке, проведении, обзоре, отчетности и распространении результатов исследований прозрачным, справедливым, полным и непредвзятым образом; уважение к коллегам, участникам

¹⁷ A Framework for Federal Scientific Integrity Policy and Practice. P. 8 // The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/01/01-2023-Framework-for-Federal-Scientific-Integrity-Policy-and-Practice.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁸ Strengthening Federal Science for the Public Good // UCS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucsusa.org/resources/strengthening-federal-science-public-good> (дата обращения: 08.08.2023).

¹⁹ What is research integrity? // ENERI [Электронный ресурс]. URL: <https://eneri.eu/what-is-research-integrity/> (дата обращения: 15.08.2021).

²⁰ The European Code of Conduct for Research Integrity // ALLEA [Электронный ресурс]. URL: <https://allea.org/code-of-conduct/> (дата обращения: 15.08.2021).

исследований, обществу, экосистемам, культурному наследию и окружающей среде; ответственность за исследование от идеи до публикации, за его управление и организацию, за обучение, надзор и наставничество, а также за его более масштабное воздействие.

Широкое распространение нарушений исследовательской честности привлекло повышенное внимание именно к этому аспекту проблемы *scientific integrity*. Дж. Иоаннидис писал в своей известной статье, что «в настоящее время многие опубликованные результаты исследований являются ложными или преувеличенными и, по оценкам, 85% исследовательских ресурсов тратятся впустую» [Ioannidis 2014].

К этому аспекту *scientific integrity* прежде всего обращены призывы и документы международных организаций. Национальными, региональными и международными организациями и сетями были выпущены многочисленные декларации и кодексы поведения исследователя²¹.

Что же считается нарушением исследовательской честности? Эти нарушения принимают самые разные формы, включая фальсификацию, фабрикацию или сокрытие доказательств; выборочное редактирование; преувеличенную неопределенность; запугивание, цензуру или принуждение ученых; допущение конфликта интересов в процессах принятия решений; предоставление (демонстрацию) политических соображений руководству назначениями в консультативные советы и т.д.

Сформировалась некая классификация видов или, скорее, групп моделей так называемого неправомерного/ненадлежащего исследовательского поведения (англ. *research misconduct*), которые требуют вмешательства для обеспечения честности исследований [Resnik 2003; Resnik et al. 2015; Введенская 2022]. Это прежде всего фабрикация, фальсификация, плагиат (*fabrication, falsification and plagiarism, FFP*) — их относят к научному мошенничеству (англ. *scientific fraud*). Это явно неправильные преднамеренно совершаемые проступки, которые научным сообществом квалифицируются как «серьезные» [Fanelli 2009]. Но есть менее серьезные, но более распространенные так называемые сомнительные исследовательские практики (*doubtful research practices, DRP*). К ним относятся: неадекватное руководство младшими коллегами, потеря данных исследования, ненадлежащее присвоение или упущение авторства, так называемая «небрежная наука», «срезание углов», неполная и непригодная для использования отчетность и т.д. Предположение, что подобные исследовательские проступки наносят больший ущерб качеству и достоверности исследований, чем FFP, и сильнее подрывают доверие к научным результатам, получило эмпирическое подтверждение в уникальном опросе участников четырех мировых конгрессов исследовательской честности, который позволил увидеть, как сами ученые оценивают и ранжируют значимость разных моделей неправомерного/ненадлежащего исследовательского поведения [Bouter et al. 2016].

Опрос был проведен среди 1353 участников мировых конгрессов по честности исследований. Первой целью этого исследования было получение исчерпывающего списка признаваемого экспертами неправомерного поведения, второй целью — ранжирование конкретных неправомерных исследовательских действий в зависимости от оценок респондентами частоты их возникновения, предотвратимости, их влияния на истину (достоверность) и на доверие между учеными, а также их совокупного воздействия.

Рейтинги показывают, что как основные проблемы современных исследований экспертами рассматриваются: выборочная отчетность, выборочное цитирование, недостатки в обеспечении качества и наставничестве. «Смертные грехи» фабрикация и фальсификация занимают самые высокие места по влиянию на истину, являются самой большой угрозой, если они происходят, но занимают

²¹ По принципам RI: Сингапурское [заявление](#) (2010 г.); RI в международном сотрудничестве: Монреальское [заявление](#) (2013 г.); по критериям продвижения исследователей: Гонконгские [принципы](#) (2020 г.) и др.

места от низкого до умеренного на совокупном уровне воздействия на истину из-за их низкой оценочной частоты. Плагиат считается распространенным явлением, но мало влияет на истину, хотя на совокупном уровне он занимает высокое место по влиянию на доверие. Респонденты были гораздо больше обеспокоены «небрежной наукой», чем научным мошенничеством, — сделали вывод исследователи. «Вырисовывается картина не беспокойства по поводу массового мошенничества, а глубокой обеспокоенности тем, что многие ученые могут срезать углы и заниматься небрежной наукой, возможно, с целью получения более позитивных и более впечатляющих результатов, которые будет легче опубликовать в влиятельном журнале и которые привлекут много цитирований» [Ibid., 6]. По ожиданиям исследователей, такой вывод может оказать «отрезвляющее» воздействие на ученых, которые находятся «под чарами извращенных стимулов», заставляющих их отдавать приоритет высоким показателям публикаций и цитирования для продвижения своей карьеры. Он может также служить аргументом в пользу изменения политики мотивации ученых, ее переориентации на более сложную и адекватную мотивацию.

Объяснить, почему «небрежная наука» является выигрышной стратегией выживания в современной науке, попытались, используя дарвиновскую теорию эволюции, авторы популярной статьи [Smaldino, McElreath 2016]. Они отмечают, что сохранение некачественных методов исследования, несмотря на постоянные призывы к совершенствованию, «свидетельствует о том, что они являются результатом чего-то большего, чем просто непонимание. Сохранение плохих методов отчасти является результатом благоприятствующих им стимулов, что приводит к естественному отбору плохой науки. Такая динамика не требует от ученых сознательной разработки стратегии — ни преднамеренного обмана, ни безделья, — только того, что публикация является принципиальным фактором карьерного роста... Повышение качества исследований требует изменений на институциональном уровне» [Ibid., 1].

К такому же принципиальному выводу приходят авторы исследования, составляющего часть финансируемого ЕС проекта «Стандартные операционные процедуры для честности исследований» (SOPs4RI), целью которого является поддержка трансформационных процессов RI в европейских исследованиях [Sørensen et al. 2021]. Это уникальное комплексное исследование, состоящее из 30 фокус-групповых интервью в восьми европейских странах, проводилось с декабря 2019 г. по апрель 2020 г. Четырнадцать фокус-групп включали представителей RPO — исследовательских организаций, 16 групп представляли RFO — финансирующие исследования организации. Всего в исследовании приняли участие 147 исследователей и заинтересованных сторон. Целью исследования было выявление приоритетных тем (проблем), имеющих значение для продвижения RI в различных областях исследований — гуманитарных, социальных, естественных науках (включая технические) и медицинских науках (включая биомедицину).

Был собран беспрецедентный объем данных о дисциплинарной важности и приоритетности разных тем RI; о сходствах и различиях в восприятии тем RI в четырех основных областях исследований, а также представителями RPO и RFO; о влиянии особенностей национального законодательства на важность, придаваемую различным темам RI и создающую разные запросы на изменения. Для нашего анализа принципиальное значение имеет сделанный вывод из этого фундаментального исследования о том, что, хотя отдельные исследователи несут ответственность и должны соответствовать профессиональным стандартам, «ответственность» RI неравномерно нацелена на отдельного исследователя, а не связана с институтами и научной системой. Исследование подтвердило необходимость уделять больше внимания институциональному уровню, созданию здоровой исследовательской среды.

Однако, как показало международное исследование политики в области неправомерного проведения исследований [Resnik et.al. 2015], до сих пор представляющее интерес, далеко не все страны с наибольшим финансированием исследований и разработок имеют национальную политику в отношении противоправных действий в этой сфере. Но все (100%) проводившие такую политику страны включили фабрикацию, фальсификацию и плагиат в определение неправомерного поведения, сразу определив приоритеты этой политики, не совпадающие с приоритетами ученых, выявленными в опросах.-

Научное сообщество само дает оценку и требует переоценки относительной «тяжести» (значимости) различных нарушений scientific/ research integrity, в том числе с учетом этих различий [Shaw 2018]. Ученые видят главное зло не там, где его видят официальные документы, не в фальсификации, фабрикации и плагиате (в РФ почти половина ученых плагиат даже злом не считает — есть и похуже!), а в системных причинах, деформирующих систему мотивации ученого и тотально коррумпирующих всю научную экосистему, включая систему высшего образования, на которую распространяется эта политика. Тотальная коррупция происходит неизбежно, как только деятельность ученого начинает оцениваться по его «продуктивности», по-разному понимаемой и измеряемой в разных институциональных системах — политической, финансовой, идеологической (далее возможны варианты), принципиально отличных от науки.

Заключение. На развилке

12 января 2023 года Управление по научно-технической политике (OSTP) Белого дома опубликовало рамочный документ, призывающий к укреплению политики и практики «научной честности»²². Этот документ включает в себя первое общеправительственное определение «научной честности», дорожную карту действий и результатов по защите «научной честности», типовую политику, рекомендованную всем федеральным агентствам. Кроме того, он содержит характеристики и показатели, которые рекомендуется использовать для оценки деятельности и прогресса в реализации агентством политики «научной честности».

Ученые США считают, что сейчас появилась редкая «историческая возможность» повлиять на федеральную политику «научной честности» и действительно защитить федеральных ученых от неправомерного политического вмешательства²³. Они выступают с рекомендациями OSTP по совершенствованию их модельной политики, которую частично или полностью примет большинство федеральных агентств. Рекомендации касаются прозрачности информации о расследовании нарушений «научной честности», правоприменительных мерах для привлечения к ответственности нарушителей «научной честности»; мерах по обеспечению более надежной защиты федеральных ученых от преследований, когда они сообщают о нарушениях «научной честности», о более четком определении способности ученых общаться со средствами массовой информации и общественностью.

В июле 2023 года Закон о «научной честности» вновь внесен в Конгресс²⁴. Считается, что только Конгресс может добавить «зубов» и сделать политику «научной честности» осуществимой. А главное — обеспечить закрепление «научной честности» в законе, чтобы следующая президентская

²² A Framework for Federal Scientific Integrity Policy and Practice // The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/01/01-2023-Framework-for-Federal-Scientific-Integrity-Policy-and-Practice.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

²³ Historic Opportunity to Strengthen Scientific Integrity Policies // UCS [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.ucsusa.org/anita-desikan/historic-opportunity-to-strengthen-scientific-integrity-policies/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁴ Scientific Integrity Act Re-introduced in Congress to Protect Federal Science // UCS [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.ucsusa.org/anita-desikan/scientific-integrity-act-re-introduced-in-congress-to-protect-federal-science/> (дата обращения: 10.08.2023).

администрация не сумела ее подорвать или даже отменить и чтобы она пережила срок одной президентской администрации.

В ситуации, когда появляется возможность повлиять на государственную научную политику, и с учетом неустойчивости действующей модели, по сути, прежней президентской администрации, которая оказывается неустойчивой к смене президентов, неизбежно возникает вопрос о пригодности и надежности этой модели.

Процессы институционализации политики «научной честности», внедрение RI в организационную исследовательскую практику сталкиваются с ограничениями со стороны конкурирующей институциональной логики, особенно в университетах с их классическими нормами ответственности и «эпистемическими практиками» [Owen et al. 2021]. Постепенно осознается проблема расхождений между политическим дискурсом научной/ исследовательской честности и озабоченностями ученых. Она рассматривается в том числе в известной статье [Davies 2019] на основе интервью, проведенного автором в Дании с группой ученых-естествоиспытателей высокой международной квалификации. Участвовавшие в интервью ученые фактически не знали о датском кодексе исследовательского поведения, вообще были безразличны к ценности таких кодексов. Существующий в их представлении образ науки не предполагает возможности управления с помощью абстрактных кодексов. Кроме того, в их представлении неправомерное поведение провоцируют системные проблемы.

Все эти процессы «подтачивают» политику «научной честности», размывают ее легитимность, обнаруживают ее ограниченность. Направление неизбежного поиска альтернативы уже понятно, и оно базируется на понимании того, что проблема «научной/ исследовательской добросовестности» является лишь частью более широкой, именно системной проблемы, требующей системного же решения — восстановления институционального баланса, сохранения институционального разнообразия, институциональной сложности современного общества, сложнейших механизмов общественной регуляции и саморегуляции, в том числе и прежде всего в науке.

Именно в этом направлении движутся скандинавские страны — Норвегия, Дания и Швеция, внося изменения в регулирование RI, — с целью расширения прав и возможностей исследовательского сообщества в расследовании неправомерных действий и обеспечении честности исследований [Vie 2022]. Норвегия и Дания пересмотрели свое законодательство в области исследовательской этики и добросовестности в 2017 году, а Швеция — в 2019 году. С одной стороны, они выявили некоторые из наиболее вопиющих форм неправомерных действий и ввели процедуры на национальном уровне для рассмотрения таких случаев. С другой стороны, они оставляют на усмотрение исследовательских институтов выявление и устранение менее серьезных нарушений академических норм, а также обеспечение того, чтобы исследования проводились заслуживающим доверия образом. Законы пытаются расширить возможности учреждений, чтобы помочь им выполнить эту ответственность, предоставляя им определенные привилегии и инструменты. Правительства скандинавских стран наделили учреждения такой комбинацией обязанностей и полномочий, основанной на явном признании того, что честность и этика исследований слишком сложны и динамичны, чтобы их можно было всесторонне регулировать посредством закона²⁵.

²⁵ В свете перераспределения функций между наукой и государством в регулировании исследовательской деятельности начинает активно обсуждаться вопрос, нужно ли криминализовать определенные формы противоправного действия ученых. Она сопряжена с большими рисками, среди которых исследователи выделяют прежде всего сложности формализации содержания честности исследований, которое очень подвижно, и трудности со взвешиванием относительной серьезности (тяжести) различных форм неправомерных действий.

Скандинавские подходы пытаются сбалансировать два существующих крайних подхода — саморегулирование/ невмешательство государства — и найти между ними золотую середину, которая получила название метарегулирования. При таком подходе исследователи должны разрабатывать собственные нормы и обеспечивать их соблюдение, но для этого необходимы структуры и полномочия, чтобы взять на себя эту ответственность до такой степени, чтобы адекватно бороться с неправомерными действиями и неэтичными исследованиями [Coglianese, Mendelson 2010; Vie 2022]. То есть исследователи должны регулировать себя сами, с полной ответственностью, осознавая, что они лучше подготовлены к выявлению, интерпретации и даже развитию соответствующих норм и способны минимизировать риски, возникающие при любом из других подходов.

Похоже, что в этом направлении готовы двигаться и мы. Определенный материал для подобных ожиданий можно увидеть в данных опроса «Этические аспекты в работе исследователей»²⁶, представленных в декабре 2022 года Координационному совету по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. Цель исследования — изучение значимых для научного сообщества вопросов, связанных с соблюдением исследовательской этики и правил академической честности для принятия решения о создании органа в области этического регулирования, а также для формулирования принципов его функционирования. Сроки проведения: 18–30 ноября 2022 г. Охват: 136 человек (исследователи, работающие в разных предметных областях).

Важен прежде всего выявленный консенсус в отношении значимости этических вопросов в процессе исследований и разработок: эти вопросы актуальны для всех научных областей и связаны с различными аспектами (этапами) сферы исследований и разработок — от планирования исследований до представления их результатов и оценки их последующего влияния на общество. Абсолютное большинство опрошенных сталкивались в работе с вопросами этического выбора: 71% хотя бы раз, часто или постоянно — 25%. Словосочетание «этика науки» большинство опрошенных российских исследователей в первую очередь ассоциирует с научными публикациями (74%). Репутации, важность которой для карьеры ученого отмечают практически все респонденты (99%), наибольшим образом могут навредить фальсификация результатов исследований (51%) и плагиат (28%). Этические проблемы возникают чаще всего в ситуациях, когда в публикации обнаруживаются некорректное цитирование или не в полной мере учтенный вклад авторов. Только 35% опрошенных отметили, что с этим не сталкивались ни они, ни их ближайшие коллеги. Непосредственно в исследованиях чаще всего ученые сталкиваются с подгонкой результатов исследования и отсутствием требуемого качества проведения эксперимента: 56% и 54% респондентов или их коллег соответственно.

Кто должен формулировать этические правила для ученых? Большинство исследователей считает, что это должно быть научное сообщество (79%), это может быть сообщество на национальном уровне — 36%; на международном уровне — 33%; на уровне конкретной организации — 10%. То есть российское научное сообщество «склоняется к необходимости контроля этических вопросов самим научным сообществом посредством разработанных ими же норм и правил (национальных или международных)». Российские ученые также отмечают важность работы этических комитетов на национальном уровне либо создание специальных позиций внутри научных коллективов и институций (издательств, фондов и др.). В большинстве своем (88%) респонденты отмечают

²⁶ Результаты опроса «Этические аспекты в работе исследователей» // Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию [Электронный ресурс]. URL: <http://youngscience.gov.ru/news/news/2563/> (дата обращения: 15.08.2023).

важность обращения в этические комитеты или подобные структуры в определенных случаях. Около половины опрошенных (46%) готовы подключиться к работе в том или ином качестве (приглашенного эксперта, члена этического комитета).

Только треть (33–34%) опрошенных исследователей обращаются к действующим международным и российским этическим стандартам, принятым в их предметной области.

68% опрошенных считают, что молодым исследователям нужен специализированный курс по исследовательской этике; из них 63% полагают, что курс должен быть междисциплинарным, посвященным общим этическим дилеммам и правилам.

Уровень, сам факт и заявленная цель и проблема опроса и обсуждения его результатов позволяют предположить, что эта тема находится в работе, а представленные данные позволят очертить некоторые контуры пространства возможного при выработке управленческого решения.

Список литературы:

Введенская Е.В. «Пандемия публикаций»: проблемы добросовестности в науке // Научно-исследовательские исследования. 2022. № 4. С. 7–28. DOI: [10.31249/scis/2022.04.01](https://doi.org/10.31249/scis/2022.04.01)

Дежина И.Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 2. С. 132–149. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.10)

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

Судас Л.Г. Научный этос как фактор выживания отечественной науки // Россия и современный мир. 2002. № 2(35). С. 99–112.

Юревич А.В., Юревич М.А. Мусор в науке // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 724–734. DOI: [10.31857/S0869587321080107](https://doi.org/10.31857/S0869587321080107)

Berman E., Carter J. Policy Analysis: Scientific Integrity in Federal Policymaking under Past and Present Administrations // Journal of Science Policy & Governance. 2018. Vol. 13. Is. 1. P. 1–26.

Bouter L.M., Tjink J., Axelsen N., Martinson B.C., ter Riet G. Ranking Major and Minor Research Misbehaviors: Results from a Survey among Participants of Four World Conferences on Research Integrity // Research Integrity and Peer Review. 2016. Vol. 1. DOI: [10.1186/s41073-016-0024-5](https://doi.org/10.1186/s41073-016-0024-5)

Coglianesi C., Mendelson E. Meta-Regulation and Self-Regulation // The Oxford Handbook on Regulation / ed. by Cave M., Baldwin R., Lodge M. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 146–168. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199560219.003.0008](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560219.003.0008)

Collins F., Adam S., Colvis Ch., Desrosiers E. et al. The NIH-led Research Response to COVID-19 // Science. 2023. Vol. 379. Is. 6631. P. 441–444. DOI: [10.1126/science.adf5167](https://doi.org/10.1126/science.adf5167)

Davies S. An Ethics of the System: Talking to Scientists about Research Integrity // Science and Engineering Ethics. 2019. Vol. 25. Is. 4. P. 1235–1253. DOI: [10.1007/s11948-018-0064-y](https://doi.org/10.1007/s11948-018-0064-y)

Davies S.R., Lindvig K. Assembling Research Integrity: Negotiating a Policy Object in Scientific Governance // Critical Policy Studies. 2021. Vol. 15. Is. 4. P. 444–461. DOI: [10.1080/19460171.2021.1879660](https://doi.org/10.1080/19460171.2021.1879660)

Fanelli D. How Many Scientists Fabricate and Falsify Research? A Systematic Review and Meta-Analysis of Survey Data // PLoS ONE. 2009. Vol. 4. Is. 5. DOI: [10.1371/journal.pone.0005738](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0005738)

Goldman G.T., Berman E., Halpern M., Johnson Ch., Kothari Y., Reed G., Rosenberge A.A. Ensuring scientific integrity in the Age of Trump // Science. 2017. Vol. 355. Is. 6326. P. 696–698. DOI: [10.1126/science.aam5733](https://doi.org/10.1126/science.aam5733)

Goldman G.T., Carter J.M., Wang Y., Larson J.M. Perceived Losses of Scientific Integrity under the Trump Administration: A Survey of Federal Scientists // PLoS ONE. 2020. Vol. 15. Is. 4. DOI: [10.1371/journal.pone.0231929](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231929)

- Ioannidis J.P.A. How to Make More Published Research True // PLoS Med. 2014. Vol. 11. Is. 10. DOI: [10.1371/journal.pmed.1001747](https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001747)
- McGarity T.O., Wagner W.E. Bending Science: How Special Interests Corrupt Public Health Research. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 2008.
- Mooney C. The Republican War on Science. New York: Basic Books, 2005.
- Owen R., Pansera M., Macnaghten Ph., Randles S. Organisational Institutionalisation of Responsible Innovation // Research Policy. 2021. Vol. 50. Is. 1. DOI: [10.1016/j.respol.2020.104132](https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104132)
- Resnik D.B. From Baltimore to Bell Labs: Reflections on Two Decades of Debate about Scientific Misconduct // Accountability in Research. 2003. Vol. 10. Is. 2. P. 123–135. DOI: [10.1080/08989620300508](https://doi.org/10.1080/08989620300508)
- Resnik D.B., Rasmussen L.M., Kissling G.E. An International Study of Research Misconduct Policies // Accountability in Research. 2015. Vol. 22. Is. 5. P. 249–266. DOI: [10.1080/08989621.2014.9582](https://doi.org/10.1080/08989621.2014.9582)
- Sachs J.D., Karim S.A.S., Akinin L., Allen J. et al. The Lancet Commission on Lessons for the Future from the COVID-19 Pandemic // Lancet. 2022. Is. 10359. DOI: [10.1016/S0140-6736\(22\)01585-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(22)01585-9)
- Shaw D. The Quest for Clarity in Research Integrity: A Conceptual Schema // Science and Engineering Ethics. 2019. Vol. 25. Is. 4. P. 1085–1093. DOI: [10.1007/s11948-018-0052-2](https://doi.org/10.1007/s11948-018-0052-2)
- Smaldino P.E., McElreath R. The Natural Selection of Bad Science // Royal Society Open Science. 2016. Is. 3. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsos.160384>
- Sørensen M.P., Ravn T., Marušić A., Elizondo A.R., Kavouras P., Tjeldink J.K., Bendtsen A.-K. Strengthening Research Integrity: Which Topic Areas Should Organisations Focus On? // Humanities and Social Sciences Communication. 2021. Is. 8. DOI: [10.1057/s41599-021-00874-y](https://doi.org/10.1057/s41599-021-00874-y)
- Turnhout E., Stuijver M., Klostermann J., Harms B., Leeuwis C. New Roles of Science in Society: Different Repertoires of Knowledge Brokering // Science and Public Policy. 2013. Vol. 40. Is. 3. P. 354–365. DOI: [10.1093/scipol/scs114](https://doi.org/10.1093/scipol/scs114)
- Vie K.J. Empowering the Research Community to Investigate Misconduct and Promote Research Integrity and Ethics: New Regulation in Scandinavia // Science and Engineering Ethics. 2022. Is. 28. DOI: [10.1007/s11948-022-00400-6](https://doi.org/10.1007/s11948-022-00400-6)

References:

- Berman E., Carter J. (2018) Policy Analysis: Scientific Integrity in Federal Policymaking under Past and Present Administrations. *Journal of Science Policy & Governance*. Vol. 13. Is. 1. P. 1–26.
- Bouter L.M., Tjeldink J., Axelsen N., Martinson B.C., ter Riet G. (2016) Ranking Major and Minor Research Misbehaviors: Results from a Survey among Participants of Four World Conferences on Research Integrity. *Research Integrity and Peer Review*. Vol. 1. DOI: [10.1186/s41073-016-0024-5](https://doi.org/10.1186/s41073-016-0024-5)
- Coglianesi C., Mendelson E. (2010). Meta-Regulation and Self-Regulation. In: M. Cave, R. Baldwin, M. Lodge (eds.) *The Oxford Handbook on Regulation*. Oxford: Oxford University Press. P. 146–168. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199560219.003.0008](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560219.003.0008)
- Collins F., Adam S., Colvis Ch., Desrosiers E. et al. (2023) The NIH-led Research Response to COVID-19. *Science*. Vol. 379. Is. 6631. P. 441–444. DOI: [10.1126/science.adf5167](https://doi.org/10.1126/science.adf5167)
- Davies S. (2019) An Ethics of the System: Talking to Scientists about Research Integrity. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 25. Is. 4. P. 1235–1253. DOI: [10.1007/s11948-018-0064-y](https://doi.org/10.1007/s11948-018-0064-y)
- Davies S.R., Lindvig K. (2021) Assembling Research Integrity: Negotiating a Policy Object in Scientific Governance. *Critical Policy Studies*. Vol. 15. Is. 4. P. 444–461. DOI: [10.1080/19460171.2021.1879660](https://doi.org/10.1080/19460171.2021.1879660)
- Dezhina I.G. (2023) Russia's Science Policy in 2018–2022: Controversial Signals. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. Vol. 29. No. 2. P. 132–149. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.10)

- Fanelli D. (2009). How Many Scientists Fabricate and Falsify Research? A Systematic Review and Meta-Analysis of Survey Data. *PLoS ONE*. Vol. 4. Is. 5. DOI: [10.1371/journal.pone.0005738](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0005738)
- Goldman G.T., Berman E., Halpern M., Johnson Ch., Kothari Y., Reed G., Rosenberge A.A. (2017) Ensuring scientific integrity in the Age of Trump. *Science*. Vol. 355. Is. 6326. P. 696–698. DOI: [10.1126/science.aam5733](https://doi.org/10.1126/science.aam5733)
- Goldman G.T., Carter J.M., Wang Y., Larson J.M. (2020) Perceived Losses of Scientific Integrity under the Trump Administration: A Survey of Federal Scientists. *PLoS ONE*. Vol. 15. Is. 4. DOI: [10.1371/journal.pone.0231929](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231929)
- Ioannidis J.P.A. (2014) How to Make More Published Research True. *PLoS Med*. Vol. 11. Is. 10. DOI: [10.1371/journal.pmed.1001747](https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1001747)
- McGarity T.O., Wagner W.E. (2008) *Bending Science: How Special Interests Corrupt Public Health Research*. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press.
- Merton R.K. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST: AST MOSKVA: KHRANITEL.
- Mooney C. (2005) *The Republican War on Science*. New York: Basic Books.
- Owen R., Pansera M., Macnaghten Ph., Randles S. (2021) Organisational Institutionalisation of Responsible Innovation. *Research Policy*. Vol. 50. Is. 1. DOI: [10.1016/j.respol.2020.104132](https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104132)
- Resnik D.B. (2003) From Baltimore to Bell Labs: Reflections on Two Decades of Debate about Scientific Misconduct. *Accountability in Research*. Vol. 10. Is. 2. P. 123–135. DOI: [10.1080/08989620300508](https://doi.org/10.1080/08989620300508)
- Resnik D.B., Rasmussen L.M., Kissling G.E. (2015) An International Study of Research Misconduct Policies. *Accountability in Research*. Vol. 22. Is. 5. P. 249–266. DOI: [10.1080/08989621.2014.9582](https://doi.org/10.1080/08989621.2014.9582)
- Sachs J.D., Karim S.A.S., Akinin L., Allen J. et al. (2022) The Lancet Commission on Lessons for the Future from the COVID-19 Pandemic. *Lancet*. Is. 10359. DOI: [10.1016/S0140-6736\(22\)01585-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(22)01585-9)
- Shaw D. (2019) The Quest for Clarity in Research Integrity: A Conceptual Schema. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 25. Is. 4. P.1085–1093. DOI: [10.1007/s11948-018-0052-2](https://doi.org/10.1007/s11948-018-0052-2)
- Smaldino P.E., McElreath R. The Natural Selection of Bad Science. *Royal Society Open Science*. Is. 3. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsos.160384>
- Sørensen M.P., Ravn T., Marušić A., Elizondo A.R., Kavouras P., Tjeldink J.K., Bendtsen A.-K. (2021) Strengthening Research Integrity: Which Topic Areas Should Organisations Focus On? *Humanities and Social Sciences Communication*. Is. 8. DOI: [10.1057/s41599-021-00874-y](https://doi.org/10.1057/s41599-021-00874-y)
- Sudas L.G. (2002) Nauchnyy etos kak faktor vyzhivaniya rossiyskoy nauki [Scholarly ethos as a factor of Russian Science survival]. *Rossiia i sovremennyy mir*. No. 2(35). P. 99–112.
- Turnhout E., Stuiver M., Klostermann J., Harms B., Leeuwis C. (2013) New Roles of Science in Society: Different Repertoires of Knowledge Brokering. *Science and Public Policy*. Vol. 40. Is. 3. P. 354–365. DOI: [10.1093/scipol/scs114](https://doi.org/10.1093/scipol/scs114)
- Vie K.J. (2022) Empowering the Research Community to Investigate Misconduct and Promote Research Integrity and Ethics: New Regulation in Scandinavia. *Science and Engineering Ethics*. Is. 28. DOI: [10.1007/s11948-022-00400-6](https://doi.org/10.1007/s11948-022-00400-6)
- Vvedenskaya E.V. (2022) “Pandemic of Publications”: Problems of Integrity in Science. *Naukovedcheskie issledovaniya*. No. 4. P. 7–28. DOI: [10.31249/scis/2022.04.01](https://doi.org/10.31249/scis/2022.04.01)
- Yurevich A.V., Yurevich M.A. (2021) Musor v nauke [Garbage in science]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 91. No. 8. P. 724–734. DOI: [10.31857/S0869587321080107](https://doi.org/10.31857/S0869587321080107)

Дата поступления/Received: 20.08.2023